

Отец Пётр плавным, добродушным и в то же время полным голосом гулко произнёс молитву. Все в эту минуту стояли, склонив головы. Володин хотя и перекрестился в конце, но ни слова не понял, как всякий человек, непривычный к церковнославянскому языку.

Матушка Валентина тоже ни слова не поняла: вставая на молитву, Володин коснулся её рукой. Она явно не ожидала от себя такой реакции на это.

«Неужели я нравлюсь ему как женщина?.. — осторожно подумала Валентина. — Нет, ты явно дура... Какие у тебя к тому основания? А если?..»

Валентина сделала вид, что внимательно смотрит в тарелку. Чтобы это выглядело естественно, принялась ковырять вилкой свой праздничный кусок куриной

---

* Окончание. Начало в журнале «Гостиный Дворъ» № 4

грудки, запечённой в духовке с ананасом. Ей было стыдно перед мужем. В детстве Валюша считала, что папа — это и есть Бог. Потому что он в храме живёт. Дома-то она его почти не видела. Это особое отношение к священнику перешло у неё и на Романа. Она у него благословение берёт, целует ему руку, исповедуется и верит, что она, будучи соучастницей великих трудов священника, также станет соучастницей и его великих небесных наград. Выходя из алтаря, он спускается с Неба, и полученная благодать обильно изливается и на неё, сонаследницу вечной жизни. Как тут можно позволить не то чтобы нагрубить мужу, но даже косо на него глянуть? Ибо она есть «кость от костей его, и плоть от плоти его...»

Всем было подано по бокалу сакрального марочного кагора, крымского, «Чёрный доктор», и сказаны добрые, благолепные слова, а потом наступила как во всех обычных светских компаниях пауза объедения, когда гости старательно заняты ускоренным уменьшением обилия выставленной еды. Лишь изредка прощёптываются тихие, чуть ли не умилённо просящие фразы типа «Будьте любезны подать мне мисочку с холодцом», «Разрешите положить вам непревзойдённого салатика» и так далее, и тому подобное. Между тем рубиновый кагор со сказочным травным букетом пусть и по чуть-чуть, даже вовсе по чуть-чуть, но, однако,

прибавлялся в крови милых гостей. И вот уже голоса праздничных едоков начали повышаться в тональности и звучать более весело, порой азартно: «Повторите мне порцию сальтисона! Сюда, сюда горячую рассыпную картошечку! Кто съел мои любимые сопливенькие маслятки?» и тому подобное по всей обширной географии застольных блюд.

Трапеза уже в разгаре, она вполне развернулась.

И вот вдруг раздался дребезжащий звук неуклюже отодвигаемого стула: поднялся, торопливо промокая салфеткой губы, иеромонах Василий Правдолюбов. Он с добродушным, ласковым прищуром поглядел то на одну сторону длинного стола, то на другую, явно с удовольствием озирая гостей, как крестьянин им возвращённую добрую, вызревшую плодородную ниву.

Вздыхнул сдержанно, ладно.

— Вот так помолчи полдня — много в себе всякого нового откроешь!.. — радостно проговорил отец Василий и взволнованно передёрнул своими маленькими, печально-покатыми плечиками.

Кажется, он при этом даже принохался, как бы оценивая им сказанное ещё и на запах. И, по всему видно, остался достаточно доволен таким своеобразным анализом своего словесного аромата.

— У всех у нас здесь по жизни без вариантов один берег — земля-матушка, кормилица... — ласково сощурился он. — Ей

наша безмерная почтенная любовь. А где такую сыскать грешному человеку? Любовь есть там, где есть жертва! Любовь есть явление жертвенное. В ней ничего не обустроишь без триединства труда по устройению семьи, долготерпения и прощения.

Он нашёл глазами на стене вдохновенную икону «Святое семейство» и трепетно осенил себя раскидистым покаянным крестом.

Отец Василий замолчал, медленно поведя головой и точно норовя прозорливо, проникновенно всмотреться в каждое лицо. Почему-то дольше всего задержался он со своим важным доглядом на Валентине и на Родионе Романовиче. Кажется, это многие заметили.

И уже дальше преподобный как бы только для них и говорил.

— Душа наша сотворена деятельной. А к остывшей всякие насекомые как к падали липнут. Будем делиться мыслями, идеями! Духовно общаться. И всегда меняться! Согласны? Так тогда и приступим! — отец Василий взмахнул над собой руками, будто примеривался взлететь и звал всех за собой.

Родион Романович спортивно, легко встал, притом не расплескав ни капли из бокала, полного густым кагором, из которого он ещё ни разу не отпил, как видно радостно увлечённый необычностью всего, что вокруг него происходило и говорилось в этом незнакомом ему, до сих пор

неведомом церковном домашнем житии.

— Извините, батюшка... — с новыми для Валентины застенчивыми интонациями вздохнул Володин. — Сейчас в аграрном университете вы студентам так замечательно рассказывали, как надо обустраивать молодые семьи. И высказали совершенно удивительную мысль про то, каким образом избежать той катастрофы, когда или муж, или жена вдруг влюбляются на стороне. Вам так аплодировали!

Отец Василий весело-строго наморщил нос, как бы этот вовсе не выдающийся на его лице элемент всё-таки реально был весьма важным инструментом мыслительной ориентации. Своего рода духовным компасом.

— Так, так... — вздохнул он. — Любовь... Любовь, это когда для всех обычный человек, может быть вовсе малозначимый, просто-таки ничтожный, а для тебя он — неповторимо уникален!

Отец Василий радостно, воодушевлённо сложил руки на груди.

— Что нам осталось в наследие от Рая? Семья, милые мои, семья! А как нам и её не утратить в греховности ползучей? Особенно в жутких тисках нынешней западной толерантности?! Вот мой рецепт. Надо мужу влюбляться в жену, а жене в мужа по новой каждый год! Как это так, по новой? Очень даже просто. За этот срок всяк из нас уже основательно меняется. Даже на

клеточном уровне! Вот и надо это новое очарованно открывать в милом тебе человеке и романтически возлюбить его! Тогда вам никогда не захочется искать всякой спорной необычности за порогом дома.

Василий Правдолюбов вдохновенно засмеялся и сел.

— Проняло?! — вскрикнул он с прищуром и, перекрестившись, принялся с двойным удовольствием за свой любимый салат с крабовыми палочками.

Тут раздался странный звук. Вроде как со стороны наружной двери. Только явно не звонок, но и не стук. Было похоже, точно по ней некто или нечто настойчиво скребётся. Однако с удивлением на всё это отреагировали только новые здесь отец Василий и Володин. Остальные заулыбались, если так можно сказать, с трогательной радостью.

Отец Роман влёт оказался у двери.

Звучно тыркая пол острым концом своей кривой клюки какого-то вполне сказочного вида, вошла, не поднимая лица, маленькая старушка. На ней обвисал линялый, некогда чёрный плотный балахон на больших железных пуговицах, длинный до пят и просторный на троих.

Ей тотчас хлопотливо поднялись навстречу родители юбиларов отцы Пётр да Григорий и их матушки Прасковья с Екатериной.

— Варварушка! Мы так рады! На своё место, пожалуйста, на своё!

Своим местом Варварушки был свободный стул во главе стола, куда она прошла достаточно шустро, чуть ли не напролом. Усаживаясь, старушка бдительно зыркнула по сторонам. На её бледном, аккуратном лице без морщин о восьмидесяти семи Варварушкиных годах свидетельствовала разве что россыпь коричнево-розовых бородавок, похожих на лесное семейство дружных опят, только что проклевнувшихся.

— Все тута гостюшки... — певуче, с удовольствием отметила старушка. — Одной Валюшечки ня вижу...

— Здесь я, бабушка!.. — растерянно приподнялась матушка Валентина.

— Рази ты энто?.. — усмехнулась Варварушка, разглядывая на просвет свою рюмку с тёмно мерцающим кагором. — Не похожа. Как подменили мою девушку. И вместо винца водички мне крашеной налили. Может, я дверью ошиблась? И праздник не здесь вовсе?

Она вздохнула и, подмигнув почему-то именно Родиону Романовичу, вдруг занялась упорно обкусывать по краям котлету, старательно зажав её перед собой в обеих руках, — так, бьвает, некоторые яблоко грызут. При этом всё лицо Варварушки деятельно участвовало в таком процессе: деловито морщились щёки, лоб и даже её уши азартно шевелились.

— Спасибо, бабушка, что не забыли нас, грешных... — тихо, нежно проговорила Валентина.

В ответ Варварушка покрутила пальцем у виска и опрокинула в себя махонькую рюмочку с вином с таким замахом и резвостью, как разве что выдавший виды мужик бросает в себя стакан белёсого, как молочная сыворотка, самогонца.

— Простите мне моё любопытство, но кто это?.. — из-за спины Валентины шепнул Володин отцу Роману.

— Христа ради блаженная... — бережно ответил тот, прикрыв глаза в знак особой значительности сказанного им.

И проглядел, как Варварушка вдруг шустро потянулась клюкой и остро ткнула его в плечо.

— Негоже более Валюшечке перед тобой исповедоваться! Гони её к батюшке Петру.

Отец Роман распрямылся, звонко загремев подпрыгнувшей тарелкой.

— Белорыбица-а-а-а у тебя завсегда, ой, вкусна... Подай бабке кусочек, — хмыкнула Варварушка.

— Так вы же вроде котлетку кушаете, — вздохнул Роман.

— Одно другому не мешает, мильй... Тебе так, а по мне иначе. Не всё есть то самое, что наши глазоньки будто бы видят... — нахмурилась блаженная и по-девчоночьи надула губки в сторону Валентины.

Роман Родионович как почувствовал нарастающую в матушке

смутную тревогу. Он тоже непроизвольно напрягся.

— С чего ты на меня осерчал?.. — теперь клюка Варварушки с зацепившимся на ней по дороге увядшим цветком фиолетового мышиного горошка указующе ткнулась в плечо Володина.

— Ваши парадоксы несколько напрягают меня своим глубинным подтекстом... — усмехнулся Володин.

— Миленький, я только рот свой непутёвый открываю... А слова за меня неведомо кто проносит... — не поднимая глаз, прошептала Варварушка. — А коли тебе обидеть меня хочется, так не боись. Я дурочка... Ещё и в ножки поклонюсь за то. Слыхал, если тебя за день никто не оскорбил, а ты ему не простил, так это время тобой зазря прожито.

Матушка Валентина машинально толкнула под столом руку Володина, давая ему понять, чтобы он ни в коем случае не возражал.

Но тотчас ей стало стыдно до слёз за такой порыв. Её испугала потаённо шевельнувшаяся в ней странная, болезненно напряжённая нежность. Ко всему это её почти мгновенное касание показалось ей словно бы говорящим. И он теперь будто знает о ней такое, чего не знает ни один другой человек. И даже она сама о себе.

— Отец Василий! — вдруг окликнул Володин преподобного. — Я в вопросах веры полный профан. Но особенно не даётся мне

внятно уяснить, что же такое святая Троица и как её реальность согласовать с единобожием?

— Вот оно!!! С этим вопросом не всякий батюшка в ладах! В нём для некоторых великий конфуз уготован! — быстро, торжественно подхватился иеромонах, заговорив с оглушительной горячечной радостью оттого, что ему вновь представился простор объясниться. Он так и сиял всем своим обветренным веснушчатым рыбацким лицом: — Тут в простоту надо верить! Святитель Афанасий Великий утверждал: «Если Бог не один, то нет Бога!» И что же? Мы ногами в жир попали? А вот вам дулю! Господь Бог в существе Своём один и единственен. Вместе с тем Бог Троичен в Лицах!!! Человеку надобно сугубо Верить во Единую Троицу, а не размышлять хило об ней на полусогнутых!

— А налей-ка мне еще винца! — вдруг махнула Володину Варварушка и послала ему через гостей свою пустую рюмочку.

Кто-то хотел сам ей услужить, но она так стукнула клюкой об пол, что соскочила гирлянда мышинового горошка. В итоге её «тара» благополучно дошла до Родиона Романовича. Он засмеялся и с гусарской лихостью плеснул старушке сладенького кагора.

— Я тебя простила, голубчик... Угодил, — хихикнула Варварушка, зачем-то дёрнув себя за ухо: может быть, воловик выдернула.

Родион Романович как воспрянул. В нём тотчас всколыхнулось что-то от площадной азартности отца Василия Правдолюбова.

— Позвольте несколько слов! — радостно заговорил он. — Заранее прошу извинить за их наивность. Но они от всего сердца. Я здесь почувствовал себя словно в другом мире. Не удивлюсь, если сейчас сюда войдёт апостол Пётр или Иоанн. Да кто угодно из тех двенадцати.

— Иуде тут лучше не показываться! — по-мужицки грозно вскрикнул отец Василий и воздел свой немалый кулачище, явно хорошо знакомый и с топором, и с кирпичной кладкой, и с рыбацкой сетью или вон теми же косой да ручным плугом; знал он и как ловко управиться с пастушьим кнутом, и с упряжью конской, споро собирая лошадку в дорогу.

— Да, да... — вздохнул Володин. — Лучшая форма разумной цивилизации уже давно создана на этой земле в православных храмах и монастырях. А вы слышали про Юрия Мильнера? Так вот этот известный миллиардер решил вложить сто миллионов долларов в поиск внеземных цивилизаций. И я было загорелся присоединиться к нему. А теперь думаю: зачем? Мною сейчас другая фантастика овладела... Вот только сейчас! Я не пожалею никаких средств, чтобы запустить на орбиту космический корабль-храм. Да, да, господа! И чтобы там виток за витком совершались над планетой все

храмовые службы в должной их последовательности!

Отец Пётр вдумчиво, прилежно огладил свою пухлую, словно клубком лежавшую на груди бороду, как бы тихо советуясь с ней в чём-то важном.

— Не тревожьте себя, Родион Романович, — вдруг сдержанно проговорил он. — Мира и радости вам во Христе Иисусе, Господе нашем! Только мы себя и наше служение Господу и людям иначе понимаем. Без такого смелого новаторства.

Родион Романович покорно сел на место. Только что охватившее его чувство, что ему настало время начинать бы свою жизнь заново, как говорится, с чистого листа, смущённо припогасло.

— Не отступайтесь... — шепнул, нагнувшись к нему из-за спины жены, отец Роман. — И запишите-ка на всякий случай меня в ваш будущий отряд священников-космонавтов!

— Всенепременнейше, батюшка... — также через спину Валентины заговорщицки шепнул ему Родион Романович, высветившись лицом.

Варварушка вдруг воздела свою клюку и так ловко провернула её над головой, что явно могла бы и от дождя при необходимости отбиться этим оружием. А сейчас она им по разрешённой ей традиции гостей подняла. Такой у них всегда был обычай, чтобы ей в этом деле иметь полное пастушеское распорядительство.

— Спасибо этому дому, пойдём ко другому! — строго хихикнула Варварушка.

На празднике засиживаться ни у кого не принято, в священнической семье тем более, памятуя, как мало времени удаётся батюшке с матушкой одним побыть. Служит и по требам ходит он с утра до ночи. Ольга так та уже через месяц после хиротонии сказала своему Андрею: «Ты получил алтарь, а я осталась одна!..»

В дверях отец Василий Правдолюбов радостно, сверкая слезами на глазах, благословил всех:

— Ангела вам Хранителя рядышком и Божией благодати! Спаси Господь! — зычно, победоносно пожелал он.

— Мира всем вам! — радостно поклонились гостям отцы Пётр с Григорием.

— Пирогамы ты, Валюшечка, угодила мне. Сладенькие, пухленькие... — уходя, строго шепнула ей Варварушка. — Как ты, молодка наша аппетитная...

— Держись, подруга боевая... — ткнулась Оля губами в щёку Валентины. — Только слепой не заметил, как этот олигарх ноздри на тебя раздувал. Ох, ждут тебя великие испытания!

— Окстись... — угнулась матушка.

— Я тебе завидую! — поморщилась Ольга. — На меня так давно никто не смотрел.

— Давай не будем об этом.

— Гордись, дурочка...

Проводив гостей, отец Роман, на ходу растёгивая ворот своего

стального, приталенного, чесучового подрысника, устало улыбнулся Вланине:

— А не переночевать ли нам с тобой сегодня на даче на свежем воздухе? У меня увольнительная как раз до завтрашнего утра.

— Ты же говорил, что у нашего «москвича» бензонасос не работает, — усмехнулась она.

— А я уже вместо клапана приладил кусок полиэтилена. Доедем с молитвой.

— Я бы с удовольствием... — вздохнула матушка. — Но как наш Ангел? Вдруг мы нарушим то чудо, которое сегодня произошло с ней...

— Мама, милая, Христа ради не беспокойся... — выглянула из своей комнаты Ангелина. — Я будто раньше не жила, а спала... А теперь вдруг проснулась! Как в сказке про царевну!

Матушка Валентина со слезами подвела дочь к отцу под благословение.

— Милость Господня сошла на тебя... — тихо, бережно проговорил он. — Бог услышал наши молитвы...

— А этот новый дяденька ещё придёт к нам?.. — аккуратно вздохнула Ангелина.

Матушке показалось, что она начинает краснеть. Так оно и было. Она уже казалась себе чуть ли не преступницей среди этих милых ей людей. Словно у неё камень за пазухой.

Все вместе втроём они стали на молитву в красном углу перед их домашним иконостасом,

золочёно мерцавшим в густоте свечного огня пахнущих мёдом свечей. Впервые за долгие годы Ангелина говорила слова молитвы вместе с родителями. Она сбивалась, оговаривалась, но была настойчиво усердна.

Все плакали.

Когда приехали на дачу, раскидистый грозовой фронт от горизонта до горизонта завалил небо тяжёлыми, мохнатыми, призрачно мерцающими облаками всяких цветов и оттенков: глухо-чёрный, зыбко-фиолетовый, розовый, мертвенно-белый. Стояла удивительная тишина. Было ощущение, что мир вывернут наизнанку, разверзнуто обнаружив нутряные пласты планетных недр.

Гроза, однако, не состоялась. Её пугающая космическая машина без единого звука грома и капли дождя, но, тем не менее, величественно грозно, с неким строгим, властным дозором прошла окрест, обнажив за собой словно промытое до блеска сине-зеленоватое глубинное небо со смиренно стекающим за здешние леса солнцем.

— Мама, я, кажется, уже умею любить по-взрослому... — вдруг виновато поморщилась Ангелина. — Мне уже сегодня грустно, что я не вижу того дяденьку в куртке лёгчика... А что будет со мной завтра?

«Что ты за человек, Володин?! — впервые на «ты» объявила для себя матушка Родиона Романовича. — Все от тебя в восторге или

уже влюблены! Даже мой муж и дочь! Одна я никак не определилась, прости, Господи...»

— Завтра, надеюсь, ты про него забудешь... — строго сказала Валентина.

— Неужели это правда?!

— Да, милая. Так обычно и бывает в твоём возрасте.

— Как ужасно... — уныло задумалась Ангелина.

— Что такие скучные?.. Праздник продолжается! — объявил Роман. — Давайте прогуляемся по нашему лугу!

«Нашим лугом» отца Романа была пойменная раскидистая покатая низина перед излучиной Дона, в трёх местах рассечённая упорно бегущими к реке сильными родниками, незамерзающими даже морозной зимой.

Травы на лугу этим летом взяли такую силу, вскинулись на такую высоту, что в некошеных местах сам отец Роман при его росте едва выглядывал из них, или вовсе скрывался с головой. Тогда лишь одна его бархатная фиолетовая скуфья моментами поверху промелькивала.

— Торжественная симфония! Каково! — восторженно объявил отец Роман, остановившись на взгорье перед лугом и влюблённо оглядывая ботанические богатства здешнего медоносного травостоя. Главный тон луговому концерту задавали двухметровый синяк, красные и белые клевера по пояс, тмин, лядвенец рогатый, василёк луговой и пушистые метёлки жёлтого донника — и всё

это было пробито фиолетовой дымкой везде поспевшего, густого цепкого мышинового горошка. Ближе к руслу Дона рослой заставой богатырской стояли непроходимые заросли раскидистого, воинственного татарника.

Над лугом незримо шёл густыми волнами тёплый плотный аромат июльского разнотравья.

— Я вас сейчас особо удивлю! — воскликнул отец Роман и как мальчик девочку озорно потянул за руку матушку Валентину. — Вы у меня такое увидите! Ахнете!

— Вот князь здешнего луга! — восторженно крикнул, когда они минут через пять пробрались до нужного места возле оврага. — Такого экземпляра я ещё никогда не встречал! Два метра двадцать три сантиметра высоты!

Перед ними, широко раскинув крылья седых листьев и блистая жёсткими костисто-жёлтыми иглами, мощно стоял высоченный жилистый татарник колючий, он же чертогон, царь-Мурат, дедовник, басурманская трава и так далее. В отличие от чертополоха кудрявого или того же осота он был увенчан цветками густого малинового тона, чем-то напоминавшими по форме уменьшенную в размерах шапку Мономаха.

— Красавец... — вздохнул отец Роман. — Это растение когда-то сам Толстой с восхищением описал! Кажется, в «Анне Карениной»?..

Вдруг чёткий звук мотора дерзко грянул над ними, напроць разметав своим жёстким

напором предвечернюю пасторальную идиллию.

Как что-то чуждое, даже враждебное этому лугу, цветам и травам, покойной, сиренево блестящей реке в этот мир хлестко вломился пилотажный самолёт. Он пронёсся у них над головами, жарко обдав едким, горько пряным запахом авиационного бензина и жаром мощного резвого движка. Самолёт как будто не признавал никаких законов природы: он как наперекор им с всеёлым азартом пронёсся кабиной вниз над лугом, уже подёрнутом зыбким туманом, и вдруг с надрывным скрежещущим звуком свечой рванулся вверх.

Матушка Валентина зажала уши и угнулась. Ангелина чуть ли не под юбку к ней забралась.

Отец Роман восхищённо перекрестил самолёт, свечой пробивавший небо.

Достигнув предельной высоты, машина, точно нехотя, приостановилась, огляделась окрест и вдруг, замедленно опрокинувшись, соскользнув на крыло, яростно блистая диском пропеллера, акробатически ловко свалилась в скоростное пики.

— Он сейчас разобьётся... — тихо проговорила Валентина.

— Ничего подобного! — радостно объявил отец Роман и вдруг удивил её знанием незнакомых ей, неведомых терминов высшего пилотажа. — Эта ловкая фигура называется очень красиво! Иммельман! Полупетля с полубочкой! Переходящая в штопор!

Машина с рёвом выровнялась и, раскорячив длинные стойки шасси, точно растопырив жилистые руки, прицелилась сесть на дальнем окошенном участке раскидистого пойменного луга. Пошевеливая элеронами и рулём поворота киля, похожего на хвостовой плавник большой акулы, самолёт дерзко подкрадывался к земле всё ближе и ближе.

— Ты что-нибудь понимаешь?! Что происходит?! — крикнула матушка натужным голосом оглохшего человека, пытаясь обеими руками удержать на голове белый газовый платок.

— Господин Володин устроил этот романтический небесный танец в честь юбилея нашего венчания! — бодро объявил отец Роман. — Он меня предупредил, но просил сие держать от тебя в большом секрете. Вот такой вот сюрпрайз!

У матушки Валентины тотчас испортилось настроение.

Отец Роман вздохнул и поцеловал её в лоб.

— Тебе что-то не нравится?..

— Я думала, батюшка, мы будем вдвоём...

В это время благополучно прибывший самолёт, простуженно чихнув раз-другой своим «пламенным» мотором, утих.

Стало так немотно, будто всё в этом подлунном мире как по команде мигом замерло, затихло с пальцем у рта. Даже лягушки в прибрежном аире прервали раскатистую булькотню.

Через пару минут, бодро раскидывая заросли коровяка и бора, вынырнул Володин. Он нёс перед собой корзину, от которой даже через ауру его бензиновой, ещё не рассеявшейся гари чувствовались изысканные запахи отменного ресторанного ужина. Наружу свободолбово торчали шейки бутылок трёх марочных вин: испанский херес, португальский портвейн и французский сотерн, какие в их городе отродясь было не найти даже в самом дорогом ресторане «Пушкин».

— Какой же вы, однако, как это там у Толстого, — весело усмехнулся отец Роман. — Ах, да! Комильфо! Моя Валюша точно в вас влюбится!

— Не надо! — захлопала в ладоши Ангелина. — Место занято! Я уже влюбилась в дяденьку Родиона!

— Кажется, мне осталась одна дорога — в монастырь! — расхохотался отец Роман.

Володин нагнул голову в сторону матушки Валентины:

— Кажется, моё сходжение с небес лично вам не очень по душе...

— Вы явились как греческий Зевс в хаосе грома и молний... Простите, мы привыкли жить в покое и молитве... — осторожно отозвалась матушка.

— Неужели у вас нет желания хотя бы глазком увидеть иные грани жизни? Ощутить дух сегодняшнего времени?!

— И именно за этим вы здесь? — напряжённо проговорила Валентина.

— Вы останетесь у нас ночевать? — сказал отец Роман Володину. — Я бы вам такое знатное место нашёл на сеновале!

— Мне через полтора часа надо быть в Москве! — с досадой объявил Володин. — Дело решать неотложное. В администрации президента. Знать бы такое ваше предложение на полчаса раньше, так я бы всё на свете отложил!

— Как же вы успеете? — усмехнулся отец Роман. — От нас до стольного града полтысячи километров...

— Крейсерская скорость моего «ишачка» не позволит опоздать! — подчеркнул Володин с почти мальчишеским хвастовством человека, который кроме своих мощных денежных рычагов ещё и обладает исключительной, почти нечеловеческой властью над пространством и временем.

— Валюша, чай! Немедля! Уж темнеет! — бодро распорядился отец Роман и раскидистыми щажимицами бросился на веранду за грушевой щепой и основными шишками для старинного серебряного самовара эпохи изначальня священнического рода Яковлевых.

— Родион Романович... — сказала тихо, нервозно матушка Валентина. — Чем отличается жизнь жены священника от жизни всех других женщин? Ничем. Она просто абсолютно иная. Несопоставимая ни по каким

параметрам. Скажем, я многое что не могу себе позволить по отношению к мужу, даже грубого слова, он же — священник. Я у него исповедуюсь, благословение беру, целую ему руку, называю батюшкой. Он меня — матушкой, иногда мамой, а при посторонних — «матушка Валентина». Благодать священства отца Романа всякую минуту ощущается на мне. Она во всём очень помогает, укрепляет семью. И вот эту женщину вы хотите сделать своей любовницей?

Володин взял руку Валентины. Она не сопротивлялась. Он поцеловал её и прижался к ней щекой. Явно небритой.

— Каюсь, что я с первого взгляда по-мальчишески влюбился в вас. Но именно благодаря этому мне открылся неведомый мне раньше мир православной жизни. Поверьте, сейчас в моей судьбе происходит нечто важное, хорошее... Не отталкивайте меня...

Послышалось приближение отца Романа: ничего удивительного, ведь это шёл огромный человек, длинная священническая ряса которого только подчёркивала его нестандартную размерность, а ко всему в руках у него был, уже горько курясь подожжённой щепой, семилитровый шарообразный самовар.

На прощание самолёт Родиона Романовича с торжествующим нахрапистым рыком упоённо прочертил «мёртвую петлю» и, рассыпав над дачей ворох роз,

дерзко занырнул в сгустившуюся тяжёлую темноту.

— Вот бы за кого тебе следовало замуж идти... Блистала бы в свете аки первостатейная львица... — вздохнул отец Роман с лёгким оттенком ревнивой напряжённости.

— Да разве же можно с чем сравнить моё счастье, обретённое рядом с тобой?! — со слезами в голосе проговорила Валентина.

— Естество наше страстно и сила наша немощна... — тихо проговорил отец Роман и вдумчиво перекрестился.

Валентина вдруг вспомнила про Анну Каренину, о которой недавно по ошибке упомянул муж. Она никогда не любила роман об этой женщине, хотя перечитывала его раза три-четыре, всё искала, но так и не нашла в нём достойного смысла.

Ей вдруг почему-то захотелось именно сегодня его перелистать. Кажется, он был у них здесь, на даче.

Действительно, большой красный том «Анны Карениной», изданный лет шестьдесят назад, словно на века, дерзко стоял среди книг, какие они держали на даче. Обыкновенно это были те произведения из домашней библиотеки, которые по разным причинам уже никак не могли заинтересовать их в городе, а здесь, на свежем воздухе у реки, читались только так за милую душу.

Матушка помнила свою всегдашнюю напряжённую неприязнь к Карениной. А красная

обложка была словно дерзким, настораживающим напоминанием о пролитой крови Анны.

Она всегда примерно так думала про Каренину: «Ненормальность и грех — вот что такое эта женщина. Когда она умирает от родильной горячки, Алексей Александрович с православным милосердием великодушно прощает ей измену! Более того, он готов был сострадательно взять её к себе в дом вместе с ребёнком от Вронского. Он молился за её спасение... Она же, выкарабкавшись из болезни, вновь дерзко сожительствует со своим полубовником, то есть в ответ на христианское духовное милосердие мужа вторично предаёт его, выбирает для себя плотскую жизнь с этим распутным, вертлявым Вронским».

В книге оказалось много старых закладок. Её закладок. Словно пахнувшие минувшей, навсегда утраченной эпохой, как пропитанные ей, стариковски бледные листки давнишних календарей. Вот лето 1992 года, когда ей всего 12 лет, далее 1998-й, но особенно много закладок в зиму 2002-го. С тех пор других не имелось. Она не брала эту книгу в руки 14 лет.

Первую минуту, оглядывая закладки, Валентина не знала, где бы ей открыть роман. Ей вдруг стало казаться, что там, в бесконечности романа, наверняка есть то место, именно которое ей сейчас необходимо прочитать. И оно всё расставит на свои места в

том странном, что назревает между ней и Володиным. Только назревает ли?.. Или уже назрело?

Книга вдруг раскрылась будто сама. Именно в том месте раскинулись листы, в которое она прежде чаще всего заглядывала с особенным волнением, с нервным намерением проникнуть в так и не ясную до сих пор тайну Анны и Вронского.

«Вронский слушал с удовольствием этот весёлый лепет хорошенькой женщины, поддакивал ей, давал полшутливые советы и вообще тотчас же принял свой привычный тон обращения с этого рода женщинами. В его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одною женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержным и твёрдым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, — и разные тому подобные глупости. Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих, к которому они все принадлежали, в котором надо быть, главное, эlegantным, красивым, великодушным, смелым, весёлым, отдаваться всякой страсти не краснея и над всем остальным смеяться.

Вронский только в первую минуту был ошеломлён после

впечатлений совсем другого мира, привезённых им из Москвы; но тотчас же, как будто всунул ноги в старые туфли, он вошёл в свой прежний весёлый и приятный мир».

Валентина брезгливо впихнула книгу назад.

«После нескольких минут наслаждения предстоит вечность мучений» — вдруг сурово вспыхнули в ней слова святителя Филарета, или когда-то прочитанные, или от кого-то услышанные.

«А может быть, ОНО того стоит?..» — вдруг неожиданно с неким вызовом подумала она, словно сама сейчас всё более становилась этой Анной Толстого.

Валентина покаянно перекрестилась.

... естество же наше страстно и сила наша немощна...

Неожиданно войдя, отец Роман испугался. Лицо жены было настолько бескровным, что казалось мерклым пятном. Матушка, кажется, дрожала. Ей только что ужасно показалось, что Анна Каренина, прежде чем прямо сейчас у неё на глазах под поезд броситься, шепнула, что, мол, каждая женщина должна, просто-таки обязана пережить падение, какое пережила она. Пасть безоглядно до самой грязной, подлой глубины. Без этого женщина никогда не постигнет себя, никогда не покается искренне. Не ощутит высокой истинной чистоты....

— Роман... — тихо, трудно проговорила Валентина. — Объясни

мне... Я хорошая жена? Тебе не тяжело жить со мной?

— Что ты такое говоришь, Валюшечка! — взял он её в свои просторные объятия. — Я с тобой как у Христа за пазухой.

— Не поминай Господа всеу... — нервозно усмехнулась она. — А если я вдруг поведу себя как какая-нибудь последняя гадина, ты меня поймёшь, простишь?

— Это — святое дело... — вздохнул отец Роман. — Разве забыла? Господу нашему дороже иного праведника раскаявшийся грешник.

Такой неприятной тяжёлой ночи, как эта, у Валентины ещё не было. Погода резко переменялась не в лучшую сторону. От горизонта до горизонта разлеглась провислая, грязно-белёсая, клочковатая туча, театрально подсвеченная серебристо-сиреневой луной. Казалось, туча дымит, тлея в своих загадочных глубинах неземным огнём. Не уронив ни капли, она долго, злобно стегала окрестности фосфорно-синими, розовыми и зелёными молниями, похожими на разветвления гигантских небесных кровеносных сосудов.

Около четырёх сон чуть ли не обманом уволок Валентину в свои пределы: ей снилось, что она летает с Володиным на его дерзком, вертлявом самолёте.

Утром у неё было никудышное состояние. Отец Роман отчаянно возился со своим стареньким «москвичом», пытаясь запустить мотор: утро как всегда перед

жарким днём выдалось росное, и свечи у машины отсырели.

Собирая вещи, матушка чуть ли не воровски, тайно сунула поглубже в сумку тот самый выцветший красный том «Анны Карениной».

На веранде она вдруг остановилась у игриво блещущего солнечным огнём трельяжа и, щурясь, внимательно оглядела своё красивое густобровое лицо.

«А я ещё очень даже ничего...» — строго подумала она и свела плотно свои большие, сильные губы. Ей вдруг вспомнилось, как лет двадцать назад художник, расписывавший после ремонта сельский храм, в котором тогда служил её отец, однажды восторженно сказал, что у неё фигура Венеры Милосской. Он так оглядел Валентину, что она посеёчас взволнованно помнила его прищуренные, строгие, зоркие глаза.

Эту ретро-паузу у зеркала властно прервал мотор «москвича», взхлёб, судорожно застучав. Его железный клацающий звук вновь напомнил матушке азартный рёв самолёта Володи на. Всё это взволнованно вернуло её потаённые мысли по поводу Родиона Романовича. Что в самом деле происходит между ними? Как с этим жить? Об этом ей не говорили никогда ни мать, ни бабушка. Возможно, что они сами этого состояния никогда и не знали...

В городе Валентина, проводив мужа, почти сразу позвонила Ольге. Почему? И почему

именно ей? Она не забыла её недавние «тонкие» намёки насчёт Володина... И сейчас её рискованно тянуло пообщаться с Ольгой, словно пройти босиком по острию лезвия.

— Доброе утро, Олошка. Не разбудила?

— Приветик, моя дорогая! Я всю ночь не сплю.

— Что такое?

— О судьбе своей лучшей подруги переживаю.

— Кого ты имеешь в виду?

— Такая у меня одна — лучшая. А нынче с утрачка из компетентных источников, которых не имею права открыть, мне стало известно о посещении красавцем авиатором Володиным вашей дачи-развалюшки. А если сей факт наложить на застольные особые взгляды на тебя со стороны этого известного змея-искусителя, так картина приобретает законченную цельность. Тебе не страшно, дева?

— Не надо так... — вздохнула Валентина.

— Ого! Боюсь, ты с этим Родионом по-настоящему влипнешь... Ты мужу исповедуешься?

— Да...

— Не завидую тебе. Кстати, вы ещё не спите с этим москвичом?

— Ольга, не дури... — поморщилась Валентина. — Я надеялась от тебя добрый совет услышать.

— Гони его от себя поганой метлой!

— Не могу... Уже не могу.

— А ты — через ногу! Эх, пока, дура... Ко мне тут пришли.

Никогда на памяти матушки Валентины она не чувствовала себя так одиноко и беспомощно, как сейчас. Всё, что было в её жизни крепью, спасительным прибежищем, вдруг разом стало ей словно недоступно. Она хотела молиться, но не могла с тем, что сейчас чувствовала в себе.

Валентина твёрдо решила просить у мужа благословения исповедаться в другом храме.

Отец Роман, плотно занятый после службы исполнением треб, наездившийся по разным концам города, вернулся поздно.

— Ты не будешь возражать, если я в этот раз исповедаюсь не дома, а в храме Преподобного Алексия, человека Божия? — аккурратно проговорила матушка.

— Так он очень далеко от нас.

— Я там давно не была. И у меня дело к ним есть по женсовету...

Отец Роман снисходительно усмехнулся. Он давно был готов к этому. Как там ни говори, но исповедоваться жене мужу это двойное испытание обоим. Он сам давно хотел предложить ей от этого отказаться, кроме особых критических случаев. Одно дело, когда они жили в селе, и до ближайшего другого храма было часа три езды на автобусе. А так ведь есть вещи, о которых стоит умолчать жене или мужу, чтобы не вводить друг друга в ещё больший грех.

— Как наша машина, не подвела тебя сегодня?.. — вздохнула матушка.

— Насчёт машины у нас с тобой будет разговор особый! — чуть ли не в ладоши ударил отец Роман.

— Господи, что случилось? Опять оштрафовали? Права забрали?

— Вовсе не то. Как было у наших гибэдэдэшников уважение к человеку в рясе, так оно и осталось. Не смеют они к нашему брату придирааться всеу, ибо сугубо почитают. Особенно, когда он едет на реально крутой тачке!

— Какие ты слова, батюшка, оказывается, знаешь... — смущённо улыбнулась Валентина. — Но только твой «москвичок» похож разве что на самодвижущийся металлолом.

— Согласен, матушка. Однако кто тебе сказал, что я именно на нём ездил?

— Он не завёлся, и ты катался на такси?!

— Эх, женщина!.. — усмехнулся отец Роман. — Наши священнические доходы тебе хорошо известны. Как и то, каким образом чаще всего появляется у священника машина. Как правило, это подарки духовных чад. В силу своего ощутимого достатка некоторые из них могут без ущерба для себя отблагодарить батюшку за его труд и дать ему возможность быстрее добираться до храма, до прихожан. Везде, где требуется духовная помощь.

Валентина вдруг всё поняла, и даже поняла, кто стал виновником радости её батюшки Романа.

— Володин купил тебе машину?.. — тихо проговорила она.

— Тебе только в следственных органах работать! — вскрикнул отец Роман. — Да, так. Родион Романович проявил к нам участие. Теперь у нас с тобой в пользовании... Сейчас, сейчас... — он сосредоточенно поискал в барсетке какую-то бумажку: — Вот! Внедорожник «хонда Си-Эр-Ви». Вот так! Но и это ещё не всё. Им же передана нашему храму пассажирская «газель», чтобы инвалидов привозить, скажем, на службу. Хотя бы в большие праздники. Или по какому другому неотложному поводу. Но только условие Володина — тебе об этом ни под каким видом не признаваться. В общем, пойдём смотреть нашу новую машину! «Хонда» называется. «Си-Эр-Ви». Приятного такого тёмно-фиолетового баклажанного цвета.

Отец Роман хотел прокатить Валентину на новой машине, но только тронулись, как он ударил по тормозам: на дороге в свете фар лежал, топорща седые иголки, кем-то недавно раздавленный мёртвый ёжик.

Поездка не состоялась.

Утром, более не откладывая, Валентина поехала к матушке Софье. Чуть ли не каждая маршрутка шла от них мимо её дома около старинного Казанского Свято-Богородичного женского монастыря о трёх храмах

(зимний, летний и семинарский), двух часовнях и духовной семинарии.

Езда в маршрутке не была для Валентины ни испытанием, ни наказанием; она для неё, как и для всех наших горожан, была истязанием. Если ещё не брать во внимание, что её белый платок, её своя, особая простая одежда, ни к какой мирской моде нынешней и прошлой непричастная, невольно обращала на себя повышенное любопытство пассажиров. Замечала взгляды и насмешливые, и суровые, но чаще задумчивые, уважительные, а то и вовсе благоговейно радостные. А то объявится какой-нибудь подвыпивший гражданин из тех, что через одного считают за обязанность завести с ней «умный» разговор о религии.

«Ты мерзкая, мерзкая, мерзкая...» — угнувшись, напряжённо думала по дороге Валентина, настраивая себя на покаянную встречу с матушкой Софьей.

Притихла, побледнела она.

Поодаль монастырского подворья на отшибе стоял отшельником домик игуменьи Софьи, — неказистая времянка, радостно освежённая к Пасхе известковой побелкой. Оконца с резными голубыми ставенками, в палисаднике понизу красно-сиреневый ковёр бегоний, бархатцев, лаванды, а над ними, под крышу, радужно пенятся пурпурная клещевина, золотарник и царственные георгины.

Тяжёлую дощатую дверь плечом открыла молодая, высокая монахиня в подряснике, сером полуапостольнике и со скуластым большеротым лицом: служка дерзко оглядела притихшую Валентину, как окаянную грешницу в ней враз разоблачила.

— Недолго чтоб!

Валентина стыдливо перекрестилась на иконостас матушки Софьи:

— Мир дому сему...

Какая-то сегодня особенно маленькая, съёжившаяся игуменья, будто замерзая, лежала в углу тёплой светлицы на старой плетёной качалке, во многих местах уже дырявой. Её посох ныне без надобности стоял возле русской печки. На ней рядом с чугуном варёной в мундирах картошки стоял заводной патефон. Шалыпина голос нравилось ей слушать.

Матушка Софья трудно зашевелилась, чтобы благословить Валентину золотым наперсным крестом с камнями, — наградным, за служение. Он уже был явно тяжёл для неё.

Рядом на коленях стояла сумрачная Варварушка, воинственно опершись на свою знаменитую «вострую» клюку.

— Под поезд собралась бросаться?! — едко вскрикнула она, только увидев Валентину.

— Хочу исповедаться... А к какому батюшке подойти, и подумать робею...

— Блудное разжижение, мечтания и пленения... Так и прёт из тебя... — бдитительно сощурилась

матушка Софья. — Как нам Григорий Богослов завещал? Любовь плотская и привязана к скоропроходящему, и сама скоро проходит, и подобна весенним цветам.

— Цветам же... — едва не вскрикнула Валентина.

Варварушка клюкой ощутимо ткнула ей в живот. Валентина быстрее быстрого пала на колени.

— Не девка, а цветок на загляденье! — нежно вздохнула матушка Софья.

— Вот через то и хочу покаяться: добрых людей с пути истинного сбиваю...

— Они без тебя в этом деле давно преуспели вполне самостоятельно! — усмехнулась игуменья. — Кобели суетные. Как там Филарет их остерегал?! «После нескольких минут наслаждения предстоит вечность мучений!»

— Вот я и пришла к вам за советом... — Валентина на коленях, не вставая, придвинулась к качалке. — Из детства помню, как одна женщина на исповеди, прежде чем идти к священнику, всем в храме объявила о своём грехе прелюбодейском... Просто в голос! Это тогда так поразило меня, что прилюдно! Вот и я так хочу. Как клин клином! Чтобы наверняка сломить грех!

— Ох, бабоньки, известный вы народ... Остынь, суета! Как бы там ни было, блудные помыслы не есть блудные деяния... — прищурилась игуменья.

— А ты не кочевряжься, переспи с ним... Сбей бабскую оскоминку! — приснула в кулак

Варварушка. — Господь милосерд, чай простит?..

Она тотчас, как для острастки, хлестнула себя клюкой по спине пару раз. И передёрнула плечами, словно от удовольствия причинённой себе наказующей боли.

— Простит... Уже давно наперёд простил всех нас! — вскрикнула матушка Софья, чуть ли не все свои силы потратив на эти слова. — Как на Голгофу взошёл с крестом, так и простил... А вот ты, Валюша, себя никогда не оправдаешь... За то, что мужа сердце поранишь... Отец Роман нежный, зла не хранящий, а ты его гвоздём к стене позора приколотить. Грех ты ещё не натворила. Доверься милости Божией. И помни слова Исаяи: «Если борет тебя блудная страсть, то удручай в смирении пред Богом тело своё трудами и воздержанием».

— Варварушка тоже влюбилась... В президента нашего Владимира Путина! — распластавшись на полу, хвастливо проговорила Варварушка. Она трудно вывернула набок своё грубое мужское лицо и подмигнула: — Наложь на меня, матушка, епитимью тяжёлую, неподъёмную, чтобы рожка у меня пополам треснула!

Матушка Софья как и не слышала этого.

— Ещё и разговоры разные пойдут... На всю епархию. Плохое быстро плодится! Тогда нашему отцу Роману Божий пост придётся оставить и идти через твою душеспасительную

откровенность работать каким-нибудь дворником. Профессии толковой у него, как мне известно, никакой нет... Всё, устала я... В сон лечу... Ой, девоньки, детство своё вижу... Уже вот оно... Перед глазами... Как я у моего батюшки в сельском храме в хоре со старушками беззубыми пою... Такой у меня славный голосок... Его послушать многие нарочно приходили. Один дяденька из области приезжал даже. Часто... Звал поступать в музыкальное училище. Как это... на вокал! Но матушка не отпустила. Мол, Господь создал женщину рожать и быть зависимой от супруга.

— Ступай, дурочка, прочь! — вдруг стремительно нагнулась послушница-монашка к стоявшей сутуло на коленях Валентине.

Казалось, ещё миг и она её за волосы с силой дёрнет.

Валентина покачнулась.

— Не шуруди так, девка, оставь её... — осадил игуменья служку.

Монашка судорожно, сочно хлопнула носом и всей ладонью огребла сверху вниз своё лицо, чтобы размазать вдруг обьявившиеся скоротечные слёзы: страсть как переживала она за здоровье игуменьи.

— Ангела-хранителя тебе, Валюшечка... С Богом! Не убивайся... — с твёрдой нежностью напутствовала игуменья матушку. Я уже вижу скорую развязку твоего помутнения. Ангела хранителя тебе... Ступай с миром и в уныние не впадай.

— Прошу ваших святых молитв... — сдержанно отозвалась Валентина и, пятясь, неуклюже вышла.

Как злонамеренно угадав этот неподходящий момент, её смартфон тотчас зазвонил.

После встречи с игуменьей Валентине было ни до чего мирского, обыденного, суетного; хотелось настроить себя в лад с прежней, хорошо ей знакомой любимой жизнью.

«А вдруг это ОН?..» — смятенно подумала Валентина.

Звонил Илья Сергеевич.

— Валентина Петровна, миленькая... — простонал Гнездилов каким-то неестественно нежным голосом, каким он обычно пытался продавить невыполнимые просьбы. — Звоню вам, простите, с переполоху и в полной панике! Ребёнок у меня в хосписе умирает! Девочка, новенькая, шесть лет. А у неё ещё есть шанс! Один на миллион! Но есть!

— Господи, помилуй!... — прошептала матушка Валентина, машинально нащупывая рукой хоть какую-то опору.

— У этой несчастной запущенный лейкоз. Она из такой глубинки, куда автолавка раз в год заезжает. Родители спились и умерли. Ни бабушек, ни дедушек. Вовремя болезнь не заметили. А теперь на спасение ребёнка срочно нужны тысяч триста. Одна инъекция — пятнадцать тысяч! А их надо двадцать, этих уколов. Мы сами на нулях полностью! Но если не начать

колоть немедленно, девочка завтра может умереть... Как говорится, срок жизни ограничен! Более чем... И ещё жуть — нужного ей лекарства сейчас в нашем городе нет. Только Москва или Питер могут спасти положение. Вы бы поговорили, милая Валюшечка, с Володиным! Мне уже стыдно его просить...

«Опять Володин!..» — чуть не вскрикнула в голос Валентина.

Она поглядела на часы. Половина третьего.

— Я поняла вас, Илья Сергеевич... — строго вздохнула матушка. — Как вашу милую девочку зовут?

— Марина... Кажется, Марина...

— Так-так. Ясно. Да, я сейчас же поговорю с Володиным. Подробности вы сами ему потом объясните.

Она набрала его номер.

Губы матушки как судорогой прихватило.

Слава Богу, они поговорили без каких-либо намёков на то, что как бы уже начало складываться между ними. Более того, Родион Романович был чем-то явно смущён, озадачен, и впервые с тех пор, как Валентина узнала его, голос Володина звучал несколько растерянно.

Она, в свою очередь, не придала этому значения. Она была вся сосредоточена на другом.

Как носящая ребёнка будущая мать физически ощущает его в своём чреве, так Валентина сейчас почувствовала присутствие в

себе, в своей душе той девочки Марины. Которую она ещё и в глаза не видела, но уже взволнованно сознавала, что та отныне есть её плоть от плоти. Казалось бы, стань сейчас матушка Валентина на весы, так они бы показали её новый вес, утяжелённый Мариной.

У неё даже заболела голова.

— Не уговаривайте меня. Не теряйте времени! — поспешно отозвался Родион Романович. — Лекарство будет в хосписе через три часа.

Подъезжая в такси к детской больнице, матушка позвонила Гнездилову, — тот выбежал встречать её к шлагбауму, и даже сам его поднял, отстранив молодого сутулого охранника: приступа такой расторопности у Ильи Сергеевича не случалось даже при явлении в их краях ныне арестованного господина Четвертакова.

— Спасительница вы наша, спасительница! Вот так! Просто аплодисменты сплошные! Ура, народ! Сейчас всякие СМИ понаедут! Праздник чувств!!! — восторженно и аляповато витийствовал Гнездилов тем самым своим нарочито лакейским голосом, как видно специально отработанным для высших лиц, способных чем-то существенным помочь его клинике. — Сейчас налево! Да, да, вот по этой именно дорожке! Платьем цветочки не зацепите! Такие колбочки злые! Розы-миозы, разлюли-малина!

Вошли в паллиативный центр. Матушка Валентина не сразу

решилась переступить порог. Она физически почувствовала присутствие смерти. Словно вон там, в уголке, стоит и раздражённо усмехается.

— А вон к нам уже и заведующая бежит! — чуть ли не озорно, заплотно вскрикнул Илья Сергеевич. — Наша всегда сердитая Эльза Митрофановна! Она из Ульяновска. Из своих никто на такую должность не согласился. Чтобы каждый день предсмертные глазки детишек видеть и дни сочтённые их потаённо знать...

Гнездилов вдруг аккуратно, даже нежно взял матушку Валентину за руку.

— Милая ты моя, Валюшечка! — он безотчётно перескочил на «ты», — ты, может быть, того, не пойдёшь туда? Зачем тебе? Пощади себя... Это нельзя видеть просто так. Из любопытства. Они дни свои крохотные доживают, часы, минутки коротенькие. Махонькие! А твою Марину сейчас выведут. Показать тебе.

— Вот это — отставить!.. — глухо вскрикнула матушка Валентина и решительно вошла в хоспис.

Её тотчас вывели обратно. Как больную. Тяжело больную. Матушка плакала. Её надёжно поддерживала ульяновская Эльза Митрофановна, которая оказалась ростом чуть менее отца Романа, узка в бёдрах, но широка в плечах столь, что при повороте тоже воздух вокруг себя взвихривала.

— Не убивайся! — рыкнула на матушку заведующая

паллиативным отделением. — У них у каждого здесь своя палата. Свой унитаз. Свои игрушки. Какие кому нравятся. Разных певцов к ним приводим, танцоров. Клоунов очень любят. Хохочут перед смертью жуть, кто не парализован.

Матушка Валентина поняла, что задыхается.

— Где ваша Марина?..

Вдруг какой-то носик девчончий веснушчатый, пьяным папанькой три года назад разбитый и провалившийся в переносице, мелькнул за углом.

— Я же не велела ей без меня вставать! — рыкнула Эльза Митрофановна. — Кто разрешил? Урою!

— Это та самая Марина... Марина Полушкина... Такая шустренькая, такая пронырливая! Жить-то хочется! В смерть никто здесь не верит. Хотя играть в неё, бывает, играют. Потихоньку от нас... — объявил Гнездилов, весь такой умилительно ласковый, вдохновенно озарённый.

— Полушкина?.. — насто-роженно проговорила матушка Валентина. — Нет, уважаемый Илья Сергеевич. Она — Мария Яковлева-Покровская. Это моё вам решение. И просьба одновременно. В общем, займитесь, пожалуйста, документами на удочерение этой девочки нашей семьёй. А коли дни у них сосчитаны, так как можно скорей!

— И результатов лечения ждать не будете? — чуть ли не сочувственно вздохнул Гнездилов.

— У неё лейкемия — это как приговор! Высшая мера. Может, чуток подождать, поглядеть на ход лечебного процесса? Чья, мол, возьмёт? А вдруг смертушка начхает на все наши суперные-пуперные методы лечения? Давайте приглядимся, как организм Маринки на новое лекарство отреагирует? За которым Володин сейчас летит. Через жуткую грозу, между прочим. Я узнавал про его маршрут у метеорологов. Нелётная погода!

— Спаси Господи... — отвернулась матушка, но слёзы засекретить не успела.

Пока ждали Володина, Гнездилов организовал чай. Но никто к чашкам и разным там невиданным французским «печенюшкам» от спонсоров не притронулся.

Блёкло на глазах. Нагуцался, пригатавливаясь, ранний низкий вечер.

Вдруг непривычный для города азартно взывающий голос пропеллера чётко объявил о себе. Через минуту точно флаг России энергично мелькнул над парком: это был красно-сине-белой окраски пилотажный «ишачок» Володина. Кувыркнувшись с густым переливчатым рокотом между ещё видевших солнце и словно розовощёких густых облаков, он азартно нырнул в крутое пике. Самолёт судорожно ныл, как сотня циркулярных пил, застрявших на каменном сучке.

Когда наконец «ишачок» судорожно задрал нос с блестящим

нимбом мерцающего пропеллерного сияния, у матушки зазвонил телефон:

— Сейчас вы увидите парашют. Там всё, что нужно Маришке. Прощайте!

«Почему «прощайте»?» — тревожно подумала матушка Валентина.

Как будто белый платок, колеблясь медузой, приник на клумбу перед паллиативным центром.

— Ай да снайпер! — мальчишески вскрикнул Гнездилов и первым бросился к посылке.

Через месяц врачи разрешили Марине жить у её новых родителей. А вскоре матушка Валентина и отец Роман усыновили семилетнего Гошу, тоже доживавшего в хосписе ограниченный срок своей маленькой жизни — медицинский консилиум определил, что опухоль мозга оставила ему быть на этой земле не более трёх месяцев... Через полгода его жизни в новой семье врачи, шокированные анализами Гоши, радостно объявили, что опухоль стала активно уменьшаться. Правда, непонятно почему...

Недавно Валентина как бы между делом поинтересовалась у мужа, куда делся господин Володин: его нигде не видно и не слышно уже какой месяц.

— Именно сегодня он будет у нас вместе со своим духовником отцом Василием! — рассмеялся Роман. — То-то опять будет разговоров про космический Афон над Землёй! Или храм на Луне! Так что славные пироги — за тобой! И не оговорись — прежнего Родиона Романовича более не существует. Он у нас отныне мантийный монах Макарий!

В этот день Макарий и Валентина впервые обнялись.

— Простите меня, грешного... — поклонился он ей со стремительной резкостью, до земли, как бы норовя оторваться от своих прежних неисчислимых душевных смущений. И тихо добавил: — А ведь это вы мне дорогу к Богу открыли...

— Да как же такое возможно? — засмеялась Валентина. — Разве я крестила вас?

— Что-то вроде того... — тихо проговорил Макарий. — Я почувствовал Бога через влюблённость в вас... Пришёл в ваш дом с одними мыслями, вышел совсем с другими...

Они ещё раз обнялись.

— А идёте-ка есть пироги! — со слезами на глазах приказала матушка. — Только не завидую тому, кто их не похвалит.